

К вопросу о работе с текстами древнерусских житий в средней школе

В статье рассматривается возможность изучения текстов древнерусских житий святых с позиций анализа картины мира человека Древней Руси, его стремлений, желаний и чувств. Подробно рассматривается лексика, связанная с обозначением разнообразных эмоций и их проявлений в древнерусском языке. В качестве материала исследования выбраны жития святых как наименее нормированный и наиболее близкий к разговорной речи, т.е. наиболее отражающий языковую картину мира «среднестатистического» жителя Древней Руси жанр. Изучение эмоций как психологических состояний, свойственных всем людям, позволяет увидеть героев древнерусских произведений как своих современников, глубже понять их характеры и мотивы их поступков. В качестве основы для анализа выбрана предложенная Ю.Д. Апресяном схема, включающая в себя описание того, какие слова обозначают эмоцию; указание на причины ее возникновения; характеристику эмоции по знаку; характеристику степени проявления эмоции. С этих позиций описаны базовые эмоции человека – радости, веселья и страха. Изучение этого пласта лексики в тексте древнерусских житий позволило сделать вывод о том, что эмоциональное состояние героев этих произведений во многом имеет те же причины и проявления, что и современного человека, и поэтому действительно поможет школьникам глубже понять героев литературы Древней Руси.

Ключевые слова: древнерусский язык, эмоция, радость, веселье, страх, житие, история русского языка

Revisited Point on Manipulations with Texts on Ancient Russian Hagiographies in Secondary School

The article has investigated the possibility to study the texts on Ancient Russian hagiographies of saints from the viewpoint of analysis of world view of the humans in Ancient Russia, their ambitions, desires and feelings. Lexicon connected with various emotions denomination and their manifestations in Ancient Russian language are considered in detail. As research material, there were selected the hagiographies of saints as minimum standardized and the closest to oral language, i.e. mostly reflecting the language pattern of the world of “average statistical” resident of Ancient Russia genre. Investigation of emotions as psychological status, peculiar for all people, enables to look at the characters of Ancient Russian literature as at our contemporaries, deeper understand their personalities and motives of behavior. As basis for analysis there was selected the proposed by Yu.D. Апресян scheme, incorporating the description, denoting emotion; pointing out the reasons of its emergence; characteristic of emotion as per its sign; characteristic of manifestation degree of emotion. From those viewpoints, the basic human emotions were described – joy, fun and fear. Investigating this layer of lexicon in texts on Ancient Russian hagiographies enabled to conclude that the emotional status of their characters mostly possesses the same reasons and manifestations as in contemporary humans, therefore it may actually assist the schoolchildren in deeper understanding the literary characters of Ancient Russia.

Key words: Ancient Russian language, emotion, joy, fun, fear, hagiography, the history of Russian language

Введение

Изучение древнерусской литературы в школах и вузах Российской Федерации имеет длительную традицию. Как указывает В.Ф. Чертов, до середины XIX в. ее памятники служили материалом для изучения курса церковнославянского языка, после же этого времени (и до настоящего момента) памятники древнерусской письменности становятся также объектом самостоятельного изучения в рамках курса отечественной литературы [1, с. 139]. После революции 1917 г. церковнославянский язык был исключен из школьной программы, однако факты истории русского языка, необходимые для понимания и объяснения закономерностей языка современного, изучались в рамках курса русского языка средней школы.

Оба аспекта изучения древнерусской литературы – и собственно литературоведческий, и языковой – представлены в современной школе. Так, на уроках литературы школьники знакомятся с такими произведениями, как «Повесть временных лет», «Житие Петра и Февронии Муромских», «Житие Сергия Радонежского» и, конечно, «Слово о полку Игореве».

Среди образовательных задач уроков древнерусской литературы авторы учебных стандартов и образовательных программ называют обогащение представлений учащихся об особенностях художественного мира, тематике и проблематике, жанрах древнерусской литературы, а также знакомство с основными тенденциями в развитии литературы Древней Руси [1, с. 142].

На уроках русского языка все учащиеся средней школы должны познакомиться со следующими аспектами истории русского языка: этимологический анализ слов; лексико-семантическая характеристика единиц с точки зрения активного и пассивного словарного запаса; история графики; историко-словообразовательный и историко-морфемный анализ слов; историко-морфологический анализ слов; знакомство с историческим синтаксисом [2, с. 207]. Наличие подобного рода заданий позволяет учителю обращаться к памятникам древнерусской литературы, показывать на конкретных примерах, как менялись язык и его характеристики с течением времени, а что оставалось неизменным. Кроме того, чтение, перевод и лингвистическое комментирование древнерусских письменных памятников традиционно входят в число заданий всероссийской олимпиады школьников по русскому языку, – следовательно, учащиеся должны уметь понимать древнерусский текст и с лингвистических позиций.

Однако, на наш взгляд, изучение древнерусской литературы и истории русского языка в рамках школьной программы не всегда позволяет проникнуть в мир человека Древней Руси, сделать понятными его стремления, желания и чув-

ства. Вероятно, в рамках школьной программы подобное изучение памятников письменности невозможно, однако новые образовательные стандарты позволяют это сделать во время внеурочной деятельности, где учитель сам может планировать занятия и отбирать литературный и языковой материал.

Гипотеза исследования

Мы полагаем, что изучение памятников письменности с лингвокультурологических позиций позволит познакомить школьника не только с жанровыми и языковыми особенностями древнерусской литературы, но и с внутренним миром наших предков, показать их близость современному человеку, сделать изучение древнерусской литературы более «живым» и «личностным». Основная задача подобного рассмотрения древнерусских письменных памятников в школе – показать героя произведений как человека с его надеждами, желаниями и эмоциями.

На наш взгляд, наиболее полно образ человека, жившего в Древней Руси, раскрывается в житийных памятниках. По классификации Е.М. Верещагина, житие – это жанр «нижнего яруса» письменности (куда входит также проповеднический), отличающийся, по сравнению с другими жанрами, менее четкой нормированностью и большим разнообразием языковых средств [3, с. 305-306], он приближен к разговорному языку древнего русича, что позволяет восстановить при помощи анализа языка произведения картину мира, как ее видел автор. Кроме того, житие как жизнеописание, в центре которого находится пусть и религиозный подвиг, освещает различные стороны жизни человека, его взаимодействие с окружающими, поэтому анализ языка произведений этого жанра дает разнообразный материал именно для восстановления максимально полной картины мира, в котором жили наши предки, а не строго религиозной.

Одной из наиболее интересной групп лексики, анализ которой позволит восстановить картину мира наших предков является группа слов, обозначающих эмоции. Эмоции – это одна из важнейших форм отражения окружающего мира, которая сопровождает любую деятельность человека и даже во многом определяет структуру его личности [4, с. 94]. Изучение лексики, связанной с обозначениями эмоционального состояния человека, позволит учащемуся характеристику эмоцию по знаку; увидеть героев древнерусских произведений как своих современников, глубже понять их характеры и мотивы их поступков.

Результаты исследования

Эмоции – это особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в фор-

ме непосредственных переживаний, ощущений приятного и неприятного, отношения человека к миру и людям [5, с. 436]. Эмоции являются предметом изучения в первую очередь психологии, где изучаются специфические закономерности происхождения, способы проявления и формы протекания эмоций. Психологами разработана подробная классификация эмоциональных процессов на основании различных критериев. В первую очередь это **классификация по знаку**: эмоции отличаются полярностью, то есть обладают положительным или отрицательным знаком:

1. положительные эмоции – эмоции, связанные с удовлетворением тех или иных потребностей личности;
2. отрицательные эмоции – эмоции, связанные с неудовлетворением тех или иных потребностей личности [6, с. 8].

Различаются эмоции и **по степени интенсивности**: это могут быть сильные и слабые эмоции. Слабая эмоция легко подавляется другими чувствами и легче поддается управлению сознанием, например, стыд (застенчивость). Сильная эмоция с трудом поддается управлению сознанием и подавляет другие чувства, например, гнев, любовь, счастье [7, с. 453].

Также эмоции делятся на: 1) низшие, или же базальные, эмоции – врожденные эмоции, на базе которых развиваются более сложные социально детерминированные эмоциональные процессы, состояния и эмоционально-личностные качества. Базальные эмоции немногочисленны, к ним относят радость, горе (печаль), страх, гнев, удивление, отвращение;

2) высшие эмоции, которые возникают только у человека в связи с удовлетворением социальных и идеальных потребностей (интеллектуальных, эстетических и др.). Эти более сложные эмоции развивались на базе сознания и оказывают контролирующее и тормозящее влияние на низшие эмоции [7, с. 125].

Эмоции воздействуют на тело и разум человека, сказываются на различных аспектах биологического, физиологического и социального функционирования человека и поэтому по праву считаются одним из механизмов регуляции внешней и внутренней деятельности, а также состояния организма, всех его систем. Сами эмоциональные явления включают компоненты разного рода:

1. эмоционально-оценочный компонент (эмоциональное переживание);
2. экспрессивный компонент (выразительные движения: мимика, жесты, пантомимика и др.);
3. когнитивный, или же рефлексивный, компонент (анализ и понимание ситуации, ощущение и восприятие состояний организма; рефлексия разных компонентов эмоции);
4. физиологический, как центральный, так и периферический компонент (включает

разнообразные вегетативные и биохимические изменения; тремор и т.д.);

5. поведенческий компонент [7, с. 126].

Особенность эмоций состоит в том, что они отражают значимость объектов и ситуаций, действующих на человека. Эмоции выполняют функции связи между действительностью и потребностями и поэтому позволяют человеку более или менее объективно отражать окружающий и не зависящий от него мир. Именно поэтому обозначения эмоциональных состояний человека являются ценным материалом для исследований представлений о мире отдельного человека или народа.

В последние десятилетия, с появлением и развитием когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению языка, эмоции стали объектом не только психологического и физиологического, но и лингвистического анализа. Примером теоретического описания эмоций в современной лингвистике могут служить работы В.И. Шаховского [8], Н.Д. Арутюновой [9], А. Вежбицкой [10], А.Д. Шмелева [11]. Частные аспекты лингвистического описания эмоций затрагиваются, например, в работах Б.Ч. Бижоева и М.Х. Токмаковой [12], О.В. Ереминой [13], Л.А. Калимуллиной [14], А.А. Осиповой и Н.В. Поздняковой [15] и др.

В основу изучения в школе лексики, обозначающей эмоции в древнерусских текстах, нами положена концепция Ю.Д. Апресяна, изложенная им в статье «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» [16]. В ней исследователь называет 8 систем, из которых складывается человек и анализируя которые можно воссоздать языковую картину мира человека [16, с. 42]. Одной из этих систем являются эмоции. Ю.Д. Апресян отмечает, что разные эмоции могут существенно различаться своими внешними проявлениями. Одни эмоции в гораздо большей степени требуют выхода в речи, другие в поведении, действии, третьи в жесте или мимике [Там же], то есть в языке существует лексика, выражающая эмоции с экспрессивным, физиологическим или же с поведенческим компонентами.

Ю.Д. Апресян, так же как и представители психологической науки, делит эмоции на первичные (низшие, базальные), общие для человека и животных, например, страх, ярость, и на окультуренные (высшие) – надежда, отчаяние, удивление [Там же]; а также различает эмоции по интенсивности. Лингвист говорит о необходимости и важности классифицировать эмоции по интенсивности, так как по этому признаку они проявляют себя разнообразно и интересно [16, с. 54]. Для анализа лексики и фразеологии, обозначающей эмоциональные состояния, Ю.Д. Апресян предложил следующий **алгоритм**, составленный на основе сценария развития эмоций.

1. С помощью каких слов обозначается эмоция?

Ю.Д. Апресян выделяет базовую лексику, которая является обозначениями эмоций в собственном смысле: *бояться, беспокоиться, стыдиться* и др. Затем учитывается «круг слов, не называющих эмоций в собственном смысле, но имеющих к выражению эмоций самое непосредственное отношение»: *любоваться, заглядывать, засмотреться*. К этой группе слов Ю.Д. Апресян относит также метафорические модели, например: *глаза горят, он побагровел от стыда* [16, с. 51]. Такая лексика описывает внешнее проявление эмоций и называется *симптоматической* [16: 46].

2. Какие ситуации могут вызывать названную эмоцию?

Как было отмечено выше, эмоции являются отношением человека к миру, его реакцией на происходящие явления действительности. Эмоции вызывают в сознании определенное переживание, то есть переживание человеком его отношения к самому себе, к реальной действительности, к познанию и деятельности [17]. Таким образом, возникновению эмоций предшествует оценка явлений действительности. Определенные события или ситуации могут вызывать у человека положительные или же отрицательные эмоции. Знак эмоций зависит прежде всего от ценностей общества, в котором живет человек.

3. Характеристика эмоции по знаку.

В зависимости от ситуации, события, оценив которые человек проявляет свои чувства, эмоция для индивида может быть положительной или отрицательной.

4. Характеристика языковых средств, с помощью которых выражается степень интенсивности эмоции.

По словам Ю.Д. Апресяна, в русской языковой картине мира нет «слабых эмоций, антонимически противопоставленных сильным» [16, с. 54]. Только при наличии минимальной пары, состоящей из названия сильной эмоции и ее прототипа, например *изумление – удивление*, можно определить степень интенсивности эмоции.

Между тем названия эмоций могут употребляться с прилагательными, указывающими на степень интенсивности, типа *сильный, сильнейший*, или же с прилагательными малой степени интенсивности типа *слабый*. Наличие таких характеристик в тексте также дает нам возможность определить степень интенсивности эмоции. Кроме того, наименования эмоций могут сопровождаться описанием каких-либо действий, которые тоже могут характеризовать степень интенсивности эмоций.

Рассмотрим, как лексика, обозначающая различные эмоции, представлена в житиях святых и как она может изучаться в школе. Наличие четкого алгоритма анализа (*С помощью каких слов*

обозначается эмоция – Какие ситуации могут вызывать названную эмоцию – Характеристика эмоции по знаку – Характеристика языковых средств, с помощью которых выражается степень интенсивности эмоции) значительно облегчит школьникам задачу поиска и объяснения слов, обозначающих эмоциональное состояние человека. В качестве материала для анализа мы выбрали четыре базовые эмоции – *радость, веселье, печаль, страх*.

Первая эмоция, с языковым представлением которой в текстах житий можно познакомить школьников, – *радость*.

I. Эта эмоция в древнерусских житиях обозначается с помощью:

1) *базовой лексики*: *радоватися* – ‘радоваться, быть довольным’; ‘веселиться’ [18, т. 3, с. 10]; *възрадовати ся, обрадовати ся, ликовати ся*;

2) *симптоматической лексики* – при помощи метафоры радостными очима.

II. Ситуации, вызывающие радость у древнерусского человека:

1) *поступки детей*. Эта причина может показаться подросткам наиболее понятной. Так, рассказывая о детстве Авраамия Смоленского, автор говорит о том, что он благодаря большому прилежанию легко учился, первым спешил на божественное и церковное пение и чтение и родители его радовались этому: *о сѣмѣ родителей радоватися* [19, с. 60]. Чувство радости от успехов своего ребенка свойственно и современному человеку, и эта причина возникновения эмоции способна приблизить подростка XXI века к его ровеснику из тринадцатого.

Радует родителей и взросление ребенка. Например, мать Алексея человека Божия радуется словам мужа о том, что пора женить сына: *радуются духъ мой и душа моя* [20, с. 248].

2) *Празднование религиозного праздника, дня успения святого*: *Иже и нынѣ преподобнаго и блаженнаго Авраамия успения память празднуемъ и радующеся ликомствуемъ* [19, с. 49]. Далее в тексте следует призыв к всеобщей радости в праздничный день: *Радуйся, граде тверд; Радуйся пречистая дѣво; Радуйся, граде Смоленскъ* [19, с. 49]; *Радуйтеся апостоли и пророци, мученици, и святители, преподобнии, праведнии и вси святии въ день и память святого успения преподобнаго Авраамия!* [19, с. 49]. Праздник как причина для радости также будет понятна и близка современному школьнику. Безусловно, содержание понятия праздник в средневековой религиозной и современной светской культурах значительно различаются, но само ощущение праздника как дня, в который человек испытывает радость, осталось неизменным.

3) *Радость чужому горю*. Это чувство не может быть названо положительной эмоцией в полном смысле этого слова, однако она понятна школьникам, которым свойственно разделение

мира на черное и белое, своих и врагов, которых не нужно жалеть. Именно поэтому можно познать подростков и с таким аспектом описания эмоции радости в древнерусских житиях.

В Житии Авраамия Смоленского описана радость жителей города Иерусалима из-за того, что был несправедливо изгнан патриарх: **зело по-радовашася сему** [19, с. 61]. Воспитательный же аспект данной ситуации в полной мере реализуется в самом агиографическом тексте. После несправедливого изгнания епископа в Иерусалиме, согласно житию, был голод в течение пяти лет, чтобы жители города научились не радоваться ничьей беде: **яко за то прииде на ны гнѣвъ божий и бысть на ны 5 лѣтъ глада, да на-кажѹтся не радоватися о злѣ ни о коемъ же** [19, с. 63].

4) Праведная жизнь: **самому нг҃умену, зрящѹ добраго житѣя, радоватися** [16, с. 36], **Авраамий же радоваашеся, яко тако дарова ему богъ свята и блаженна епископа** [19, с. 51]. Это самая сложная для понимания современными подростками причина для радости, однако именно ее осмысление позволяет лучше понять героя древнерусской литературы, показать, что полная лишений с точки зрения современного человека жизнь не была такой для его предков, продемонстрировать средневековое отношение к религии как основе жизни и мировоззрения.

III. Радость в древнерусском обществе всегда связывалась с высшим духовным миром и поэтому являлась положительной эмоцией. Лишь радость, вызванная чужим горем, которому стоило бы сопереживать, а не радоваться, вызывает у средневекового человека негативные чувства и осуждается автором жития.

IV. Для выражения степени интенсивности эмоции рядом со словом **радость** употребляют имена прилагательные **великъ** и **много** и наречие **повелику**, обозначающее превышающий обычную меру (**великий** – ‘великий в сопоставлении с малым’ [18, т. 1, с. 235]): **они же повелику обрadowася** [19, с. 60]; **всѣмъ же притекающимъ с радостью великою** [19, с. 57]; **бысть многа радость въ градъ** [19, с. 54].

Одним из наиболее интересных моментов, на которые можно обратить внимание школьников при изучении эмотивной лексики древнерусского языка, является сопоставление функционирования в текстах житий слов **радовати ся** и **веселити ся**. Несмотря на семантическую близость, авторы житий не всегда используют их как полные синонимы. Для характеристики ситуаций, вызывающих положительные эмоции, связанные с религиозным богослужением, с высоким духовным миром, авторы употребляют слово **радовати ся**. В.В. Колесов обращает внимание на то, что в древнерусских текстах **радость** представлена как благодать, исходящая от Бога [21, с. 239]. О.В. Франчук, изучая специфику концепта **веселье**, указывает, что, по свидетельству

письменных памятников XI – XIX вв., христианство упорно «открещивалось» от всего, что было связано с весельем, забавами и развлечениями, называя их «бесовскими игрищами» и наделяя отрицательной сакральностью [22]. И поэтому, когда эмоция была вызвана ситуацией, связанной с телесными удовольствиями, с забавами, мирскими развлечениями, авторами употреблялось слово **веселити ся**: **азъ же веселяся и гл҃умляся** [19, с. 49].

Так же подробно, как обозначения радости, в древнерусских житиях представлены языковые средства, обозначающие эмоциональное состояние **веселья**.

I. Это эмоциональное состояние выражается только **базовой лексикой**: **веселити ся**. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» приводятся два значения данного слова: ‘радоваться, веселиться, ликовать’ и ‘пировать, праздновать’ [23, т. 1, с. 477]. Второе значение не обозначает собственно эмоцию, но называет действия, которые вызывают веселье или в которых оно проявляется.

II. Ситуации, которые вызывают данную эмоцию:

1) События, происходящие в семье: **Во время то и роди сынъ, возвеселися мужъ** [20, с. 239]. Так же, как и в случае с ситуациями, в которых человек чувствует радость, это наиболее понятная современному человеку причина возникновения положительной эмоции: семья по-прежнему осмысливается как источник и условие счастливой человека, хотя содержательное наполнение этого понятия и претерпело некоторые изменения.

2) Мирские праздники, праздный образ жизни. Автор Жития Авраамия Смоленского, сравнивая свой образ жизни с жизнью святого Авраамия, использует общую характеристику праздной жизни: **онъ же смирити себе и унижити, азъ веселитися и гордѣ** [19, с. 49]; **Онъ униженный плачася, азъ же веселяся и гл҃умляся** [Там же]. Автор Жития Алексея человека Божьего указывает конкретную причину веселья – свадебный пир своего героя: **и быша весь день веселящеся даже и до ночи** [20, с. 239]. Как видим, и в этом случае праздник связан с семейной жизнью героя жития.

III. Праздный образ жизни в средневековом обществе порицался религией, противопоставлялся пути праведника, монашескому житию, из-за чего не соответствовал системе ценностей средневекового общества, поэтому к веселью, вызванному праздным образом жизни, древнерусский человек относился негативно. При определении знака данной эмоции, который прямо не выражен в тексте житий, необходимо обратиться к анализу контекста: негативная оценка выявляется при выявлении противопоставления праведного образа жизни святого и автора жития – обычного мирянина, всячески подчеркивающего свое несовершенство.

IV. Интенсивность эмоции веселья определяется временем, в течение которого продолжалось веселье: **и быша весь день веселящеся даже и до ночи** [20, с. 239]. Другие средства, характеризующие степень интенсивности эмоции веселья, в рассматриваемых нами текстах житий отсутствуют.

Эмоциям радости и веселья противопоставлена **печаль**. Лексика, используемая для ее обозначения, также может быть проанализирована по предложенному Ю.Д. Апресяном алгоритму.

I. Данная эмоция выражается при помощи *базовой лексики*: **горе, печаль, туга** – ‘уныние, тоска’ [18, т. 3, с. 1031], **сѣтование** – ‘скорбь, печаль’ [18, т. 3, с. 901] и *симптоматической лексики* (обозначение внешних проявлений эмоции – **раздѣрати ризы, сѣдины тѣрзати** и др.): **бысть же вопль, и кричаніе, и туга, яка же нѣсть была, яко и земли потрястися** [24, с. 360]; **вшедши в ложницѹ свою и завѣси оконце и постлавшее вретнище и главѹ попеломъ посыпа** [24, с. 368]; **очима слезы точащи не прѣстаяше и по персемъ виющися вопияше** [20, с. 248].

II. Причины возникновения данной эмоции также понятны современным школьникам. Наиболее значительной причиной ее возникновения является утрата близкого человека. Так, автор Жития Александра Невского, описывая смерть святого князя, восклицает: **О горѣ твоѣ, вѣднѣй человеце! Како не упадетѣ ти зѣнници вкупѣ съ слезами! Како же не ѹрвется сердце твое от коренія!** [24, с. 368].

Однако чувство печали могло быть вызвано и менее понятными современному подростку причинами. Так, в основе ее возникновения мог лежать отказ от мирского образа жизни и посвящение себя служению Богу, причем в этом случае печаль являлась чувством, которое необходимо побороть: **бояся, и како бы бес печали всѣхъ земныхъ отъити и наставити мысль свою к богу** [19, с. 64].

III. Печаль в древнерусском языке расценивалась как отрицательно окрашенная эмоция, противопоставленная радости.

IV. Печаль может сопровождаться плачем, криком, воплем, и эти наименования ее внешних проявлений одновременно являются показателем степени ее интенсивности: **Бысть же вопль, и кричаніе, и туга, яка же нѣсть была, яко и земли потрястися** [24, с. 368]. Как видим, для усиления впечатления от внешних проявлений этой эмоции автор жития указывает, что даже земля не выдержала такого горя и сотряслась.

Внешние проявления печали могут быть выражены какими-либо физическими действиями, которые характеризуют высокую степень интенсивности горя: **Ѣфимьянъ вѣскочив с престола скоро и раздравъ ризы своя от горы и до долу и сѣдины своя терзаше** [20, с. 252]; **Мати же его от того часа брачного, егда искавшие**

его и не обрѣтоша, вшедши в ложницѹ свою и завѣси оконце и постлавшее вретнище и главѹ попеломъ посыпа [20, с. 256]. Здесь выражение **главѹ попеломъ посыпа** иносказательно употребляется для выражения крайней печали, скорби. Это крылатое выражение из Библии, встречается во многих местах Ветхого Завета (Пятикнижие, Книга Иова, Книга Есфири и др.). Везде имеется в виду древний обычай евреев посыпать голову пеплом или землей, оплакивая несчастье свое или своих близких. Так, в Книге Есфири (гл. 4, ст. 1) говорится о том, как некий человек по имени Мардохей, узнав о том, что царь Артаксеркс издал указ об истреблении всех иудеев, «разодрал одежды свои и возложил на себя вретнище и пепел; и вышел на середину города, и взывал с воплем великим и горьким...» [25, с. 105].

Языковым показателем высокой интенсивности печали может быть использование сравнения. При известии о смерти Алексия человека Божьего его мать Аглаида открывает окно, выходит, как **львица**, и, разорвав на себе одежды и распустив волосы, плачет: **Отверзъши оконце свое, аки лвица из лова, изълѣзши из дверецъ и растерза ризы** [20, с. 251].

Все перечисленные языковые средства позволяют создать картину глубокого душевного потрясения, к которому никто не остается равнодушным. Сопереживать этому горю должен был и читатель жития.

При рассмотрении лексики, характеризующей степень проявления печали, целесообразно подробно проанализировать обозначения такого ее проявления, как слезы. Часто в житиях описываются ситуации, в которых слезы являются внешним проявлением отрицательных эмоций горя, печали и характеризуют высокую степень интенсивности эмоции печали: **Како можеши написати кончинѹ господина своего! Како не упадетѣ ти зѣнници вкупѣ съ слезами!** [24, с. 368].

Однако, как и в современном русском языке, упоминания о слезах в древнерусских текстах могли использоваться для обозначения не только печали, но радости, умиления, искренности, нежности и даже проявления любви (ср. *слезы радости, слезы умиления*). Например, упоминание о слезах Александра Невского при чтении молитвы указывает на искренность его религиозного чувства: **пад на колѣну предъ алтаремъ, нача молитися со слезами** [24, с. 360]. В Житии Авраамия Смоленского жители города просили бога с умилением и со слезами помиловать их, послать милость на землю и отвратить гнев от них: **моли с великимъ ѹмилениемъ, и съ слезами помиловати люди своя, и послати милость свою на землю, и отвратити гнѣвъ свой** [19, с. 40].

Таким образом, при рассмотрении лексики, указывающей на степень и внешние проявления эмоции печали, можно обратить внимание уча-

щихся на то, что, как и у современного человека, эмоции наших предков представляли собой сложные чувства, которые зачастую невозможно было определить только по их внешним проявлениям.

Следующей эмоцией, знакомой как современному человеку, так и герою древнерусских житий, является чувство **страха**.

I. Данная эмоция обозначается *базовой лексикой*: **бояти ся, страх, ѹжасть** – ‘страх’ [18, т.3, с. 1162], **трепетати** – ‘дрожать, бояться; испытывать благоговейный трепет’ [18, т. 3, с. 988] и *симптоматической*: **стояти трепетенъ**.

II. В древнерусских житиях упоминаются следующие причины возникновения чувства страха у героев.

1) Встреча с врагом. Интересно, что эта причина, известная автору жития, совершенно не известна его героям: когда им угрожает какая-либо опасность, они, наоборот, демонстрируют полное его отсутствие; т.е. обозначение эмоции в тексте произведения присутствует, а сама она – нет. Вероятно, это объясняется тем, что герои житий должны были быть идеальны во всех отношениях, а идеальный воин мог быть только бесстрашным: **не имѣя страха въ души своей дѣла исполнишася дѹхомъ ратнымъ, вѣху бо сердца ихъ, акы сердца лвомъ** [24, с. 360].

2) Столкновение с чем-то таинственным, непознанным: **великъ свѣтъ сниде на нь съ небесе, яко страхъ нападе на вся** [19, с. 40]. Так же, как и предыдущая, эта причина понятна современному человеку: и столкновение с врагом, и встреча с неизвестным всегда вызывают определенные опасения. Следующая причина возникновения данной эмоции, упоминаемая в текстах житий, в меньшей степени вписана в современное мировоззрение.

3) Страх перед Богом: **Агланда, жена благовѣрна, зѣло боящися бога** [20, с. 246]; **Оттолѣ выиде въ градъ, ѹча и наказѹя на страхъ господень** [20, с. 248]. Эту сторону чувства страха при изучении древнерусских житий в школе необходимо отдельно прокомментировать, пояснив, что Страх Божий, Страх перед Богом для средневекового христианина – это не боязнь наказания, а чувство благоговейного страха, вызванного осознанием человеком своей зависимости от Бога, волей и провидением которого

определялся весь земной и неземной путь человека [26, с. 257].

III. Страх перед грозящей опасностью, перед врагом считался отрицательной эмоцией для древнерусского человека, поэтому идеальные герои житий не испытывают страха, – наоборот, подчеркивается их бесстрашие. А страх перед Богом, страх Судного дня, страх согрешить воспринимались древнерусским человеком положительно, и такой религиозный страх был для них благородным чувством.

IV. Степень интенсивности страха в текстах житий выражается с помощью слова **зѣло** – ‘сильно, очень’ [18, т.1, с. 1013]: **Агланда, жена благовѣрна, зѣло боящися бога** [20, с. 246].

Таким образом, страх в Древней Руси, как и в настоящее время, рассматривался как сильная отрицательная эмоция, которую можно было испытывать по отношению к конкретным людям и к сверхъестественным существам, при этом бояться людей считалось постыдным для идеального героя (эта точка зрения до сих пор сохраняется в русской культуре).

Выводы

В эмоциях раскрывается значимость тех или иных ситуаций, событий, явлений действительности для человека. Подробное обозначение эмоций в текстах житий свидетельствует о том, что внутренний мир человека привлекал авторов даже в религиозных текстах, где основное внимание должно было уделяться религиозной составляющей.

Гипотеза о том, что именно изучение житий позволит погрузить школьника в мир человека Древней Руси, помочь увидеть героя древнерусской литературы как живого человека, а не как персонаж из малопонятного текста, подтвердилась. Эмоции, которые испытывают герои житий, совпадают со знакомыми современным школьникам. Во многом остались прежними и причины возникновения этих эмоций, и отношение к ним, и способы их проявления. Таким образом, изучение лексики, обозначающей эмоции в древнерусских житиях, дает разнообразный материал именно для восстановления максимально полной картины мира, в котором жили наши предки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чертов В.Ф. Древнерусская литература в школьном изучении: сравнительно-исторический аспект // Наука и школа: общероссийский научно-педагогический журнал. 2015. № 2. С. 139-145.
2. Глухих Н.В., Миронова А.А. Комментирование фактов истории русского языка в школьном обучении // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2003. №12-2. С. 206-214.
3. Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 325 с.
4. Изард Кэрролл Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003. 464 с.
5. Немов Р.С. Практическая психология: учеб. пособие. М.: Владос, 2001. 318 с.
6. Гинойан Р.В., Хомутов А.Е. Физиология эмоций: учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2010. 66 с.

7. Большой психологический словарь / под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 666 с.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2, испр. и доп. М.: URSS, 2008. 208 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 896 с.
10. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge University Press, 1999. 361 p.
11. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Яз. славянской культуры, 2002. 496 с.
12. Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х. Гендерная специфика выражения эмоций адыгскими женщинами (на материале кабардино-черкесского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 2. С. 126-131.
13. Еремина О.В. К вопросу об эмоционально-экспрессивном потенциале оценочной семантики ряда речевых глаголов английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 3. С. 86-89.
14. Калимуллина Л.А. Семантическая характеристика эмотивной лексики (на материале памятников древнерусской письменности) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №1(1). С. 575-579.
15. Осипова А.А., Позднякова Н.В. Особенности сюжета и языка жития Иакова Черноризца (Постника) (Об одном необычном отрывке из Супрасльской рукописи) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. Т.1. № 59. С. 223-228.
16. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
17. Нурахметов Е.Н. Роль эмоции в создании картины мира художественного текста [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/NTSB_2006/Philologia/3_nurahmetov.doc.htm (дата обращения: 14.09.2018).
18. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: в 3-х т. М.: Книга, 1989.
19. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 30-66.
20. Житие Алексея человека Божьего // Библиотека литературы Древней под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. С. 244-253.
21. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Книга 3: Бытие и быт. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004. 400 с.
22. Франчук О.В. Представление о веселье в языковой картине мира древних славян (песни, пляски) // От языковой картины мира средневекового славянина к современной языковой картине мира / под ред. С.Г. Шулежковой: в 2 ч. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2007. Ч. 1. С. 35-41.
23. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. Т. 1–8. М.: Русский язык, Азбуковник, 1988–2008 (издание продолжается).
24. Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 358-369.
25. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 852 с.
26. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

REFERENCES

1. Chertov V.F. Old Russian literature in school study: a comparative historical aspect. *Science and School: All-Russian scientific and pedagogical journal*. 2015. No. 2. P. 139-145. (in Russian)
2. Deaf N.V., Mironova A.A. Commenting on the facts of the history of the Russian language in school education. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2003. no. 12-2. pp. 206-214. (in Russian)
3. Vereshchagin E.M. The history of the emergence of the ancient common Slavic literary language. Translation activity of Cyril and Methodius and their students. Moscow, Martis Publ., 1997. 325 p. (in Russian)
4. Isard Carroll E. Psychology of emotions. Saint Peterbburg, Peter Publ., 2003. 464 p. (in Russian)
5. Nemov R.S. Practical psychology. Moscow, Vldos Publ., 2001. 318 p. (in Russian)
6. Ginoyan R.V., Khomutov A.E. Physiology of emotions. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University publ., 2010. 66 p. (in Russian)
7. Big psychological dictionary / ed. B. Meshcheryakova, V. Zinchenko. Saint Petersburg, Prime-EUROZNAK Publ., 2003. 666 p. (in Russian)
8. Shakhovsky V. I. The categorization of emotions in the lexical-semantic system of language. Ed. 2, rev. and add. Moscow, URSS Publ., 2008. 208 p. (in Russian)
9. Arutyunova N.D. Language and human world. Moscow, Yaz. rus culture Publ., 1998. 896 p. (in Russian)
10. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge University Press, 1999. 361 p.
11. Shmelev A.D. Russian language and extra-linguistic reality. Moscow, Yaz. Slavic culture Publ., 2002. 496 p. (in Russian)
12. Bizhoev B.Ch., Tokmakova M.Kh. Gender specificity of expressing emotions by adyg women (based on the Kabardino-Circassian language). *Questions of cognitive linguistics*. 2018. Vol. 2. pp. 126-131. (in Russian)
13. Eremina O.V. On the question of the emotional-expressive potential of the evaluation semantics of a number of verbs of the English language. *Questions of cognitive linguistics*. 2015. Vol. 3. pp. 86-89. (in Russian)
14. Kalimullina L.A. Semantic characteristic of emotive vocabulary (on the material of the monuments of Old Russian writing). *Bulletin of the Bashkir University*. 2012. Vol. 17. no. 1 (1). pp. 575-579. (in Russian)
15. Osipova A.A., Pozdnyakova N.V. Features of the plot and language of the life of Jacob the Chernorizets (Postnik) (On one unusual passage from the Supralya manuscript). *Problems of History, Philology, Culture*. 2018. Vol. 1. no. 59. pp. 223-228. (in Russian)

16. Apresyan Yu.D. The image of a person according to the language: an attempt at a systemic description linguistics. 1995. no. 1. pp. 37-67. (in Russian)
17. Nurakhmetov E.N. The role of emotions in creating a picture of the world of artistic text [Electronic resource]. Available at: http://www.rusnauka.com/NTSB_2006/Philologia/3_nurakhmetov.doc.htm (accessed 14 September 2018). (in Russian)
18. Sreznevsky I. I. The Dictionary of Old Russian: in 3 tons. Moscow, Kniga Publ., 1989. (in Russian)
19. Life of Abraham of Smolensk // Library of Literature of Ancient Russia / ed. D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Science Publ., 1997. Vol. 5. pp. 30-66. (in Russian)
20. The Life of Alexei the Man of God // Library of Ancient Literature, ed. D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Science Publ., 1997. Vol. 2. pp. 244-253. (in Russian)
21. Kolesov V.V. Ancient Russia: a legacy in the word. Book 3: Being and Life. Saint Petersburg, Filol. Faculty of SPSU, 2004. 400 p.
22. Franchuk O.V. The concept of fun in the linguistic picture of the world of the ancient Slavs (songs, dances) // From the linguistic picture of the world of the medieval Slav to the modern linguistic picture of the world / ed. S.G. Shulezhkovoy. Magnitogorsk, Publishing House of the Moscow State University, 2007. Part 1. pp. 35-41. (in Russian)
23. Dictionary of Old Russian (XI – XIV centuries): in 10 tons. / RAS. Inst. Rus. lang T. 1–8. Moscow, Russian language, Azbukovnik, 1988–2008 (publication continues). (in Russian)
24. The Life of Alexander Nevsky // Library of Literature of Ancient Russia, ed. D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Science Publ., 1997. Vol. 5. pp. 358-369. (in Russian)
25. Serov V.V. Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions. Moscow, Lokid-Press Publ., 2005. 852 p. (in Russian)
26. Vendina T.I. Medieval man in the mirror of the old Slavonic language. Moscow, Indrik Publ., 2002. 336 p. (in Russian)

Информация об авторах

Мишина Людмила Николаевна

(Россия, Магнитогорск)

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

E-mail: owl81@mail.ru

Осипова Александра Анатольевна

(Россия, Магнитогорск)

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

E-mail: osashenka@yandex.ru

Франчук Оксана Валерьевна

(Россия, Магнитогорск)

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

E-mail: oxana.franchuk@mail.ru

Information about the authors

Lyudmila N. Mishina

(Russia, Magnitogorsk)

PhD in Philological Sciences,
Associate Professor

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication

Nosov Magnitogorsk State Technical University

E-mail: owl81@mail.ru

Alexandra A. Osipova

(Russia, Magnitogorsk)

PhD in Philological Sciences,
Senior Researcher

at the Research Dictionary
of the Institute of Historical Anthropology
and Philology

Nosov Magnitogorsk State Technical University

E-mail: osashenka@yandex.ru

Oksana V. Franchuk

(Russia, Magnitogorsk)

PhD in Philological Sciences,

Associate Professor of the Department
of Russian Language, General Linguistics and Mass
Communication

Nosov Magnitogorsk State Technical University

E-mail: oxana.franchuk@mail.ru

Ссылка для цитирования^{ГОСТ}

Мишина Л. Н., Осипова А. А., Франчук О. В. К вопросу о работе с текстами древнерусских житий в средней школе // Перспективы науки и образования. 2018. № 6 (36). С. 164-172. doi: 10.32744/pse.2018.6.18

For Reference^{APA}

Mishina, L. N., Osipova, A. A., & Franchuk, O. V. (2018). Revisited point on manipulations with texts on ancient Russian hagiographies in secondary school. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 36 (6), 164-172. doi: 10.32744/pse.2018.6.18. (In Russ., abstr. in Engl.)